

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117

А. Ю. Ключников*

Право на истину в международном правосудии

Аннотация. Право на истину (right to truth) — это феномен, появившийся в международном праве примерно с 1980-х гг. Его развитие связано с репрессиями авторитарных правительств стран Латинской Америки в условиях нивелирования основных прав человека, которые породили негативную реакцию общества. Общемировая потребность в справедливости и сохранении стабильного мира обусловила постепенное распространение института на другие регионы мира. Уникальность разработанных методик, позволяющих сохранять в общественном сознании память о масштабных событиях преступлений против личности, совершенствовать и наполнять содержанием право на получение информации (право знать), предоставляет возможность говорить о праве на истину как об одном из наиболее перспективных механизмов системы защиты прав человека. В статье автор предпринимает попытку выявить содержание права на истину на современном этапе, объем включенных в него гарантий, а также рассматривает частные его случаи применительно к праву знать обстоятельства преступлений, включая случаи насильственных исчезновений, факты о жертвах, об их судьбе и местонахождении, об установлении преступников, о правах потерпевших и их семей.

Автор резюмирует, что право на истину является динамично развивающимся комплексным институтом международного права, мощным орудием в руках органов международной юстиции в борьбе с виновными в совершении наиболее тяжких преступлений лицами и в профилактике преступлений, инструментом становления подлинно правового, демократического государства. В его основе лежит обычное международное право, дополняемое в общем виде специальными нормами договорного права. Неполнота материального регулирования восполняется правоприменительной деятельностью международных судов. По своей правовой природе право на истину базируется на позитивных международных обязательствах государств осуществлять уголовное преследование, оказывать содействие другим государствам, международным органам и на негативных обязательствах как средстве превенции.

Ключевые слова: право на истину; международный суд; правосудие переходного периода; расследование; мера правовой защиты; дело Сребреницы.

Для цитирования: Ключников А. Ю. Право на истину в международном правосудии // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 12. — С. 106–117. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117.

Right to Truth in International Justice

Andrey Yu. Klyuchnikov, Cand. Sci. (Law), Judge of the Pravoberezhnyy District Court, Lipetsk, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)
ul. Internatsionalnaya, d. 3, Lipetsk, Russia, 398050
andrew19871961@mail.ru

Abstract. The right to truth is a phenomenon that appeared in international law after about the 1980s. Its development is associated with the repression of authoritarian governments in Latin America in the context of basic human rights leveling, which received negative reaction from society. The global need for justice and the preservation of a stable world has led to the gradual expansion of the institute to other regions of the world. The uniqueness of the developed methods allowing us to preserve the memory of large-scale crimes against the person in the public consciousness, to improve and fill in the right to receive information (the right to know),

© Ключников А. Ю., 2020

* Ключников Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, судья Правобережного районного суда города Липецка, доцент кафедры «Конституционное и международное право» Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Интернациональная ул., д. 3, г. Липецк, Россия, 398050
andrew19871961@mail.ru

makes it possible to talk about the right to the truth as one of the most promising mechanisms of the human rights protection system. The paper attempts to understand the right to the truth at the present stage, the scope of guarantees it contains, and examines particular cases in relation to the right to know the circumstances of crimes, including cases of enforced disappearance, facts about victims, their fate and location, identification of criminals, rights of victims and their families.

The right to the truth is a dynamically developing complex institution of international law, a powerful tool in the hands of international justice bodies in the fight against the perpetrators of the most serious crimes and in the prevention of crimes, a tool for the formation of a truly legal, democratic state. It is based on customary international law, supplemented in general terms by special rules of contract law. The incompleteness of material regulation is compensated by the law enforcement activities of international courts. By its legal nature, the right to the truth is based on positive international obligations of states to prosecute, to provide assistance to other states and international bodies, and on negative obligations as a means of prevention.

Keywords: right to the truth; International Court of Justice; transitional justice; investigation; measure of legal protection; Srebrenica case.

Cite as: Klyuchnikov AYU. Pravo na istinu v mezhdunarodnom pravosudii [Right to Truth in International Justice]. *Lex russica*. 2020;73(12):106-117. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.169.12.106-117. (In Russ., abstract in Eng.).

Истина и справедливость являются неотъемлемыми
и в равной степени важными элементами стабильного мира¹.

Развитие права на истину на современном этапе. Развитие института права на истину тесно связано с деятельностью органов международной юстиции. Данное, первоначально довольно неясное понятие, через судебную практику постепенно наполняется нормативным содержанием. Сами государства, стремящиеся отойти от авторитарных режимов к демократии, ищут все более эффективные формы защиты прав человека. Одним из инструментов построения эффективной и действенной системы выступает право на истину.

Содействие в этом оказывают региональные международные суды, в чью компетенцию входит защита прав человека. Они вырабатывают собственные подходы к содержанию права, придают ему уникальные черты. Отсутствие унифицированных подходов вызвано не столько судебским активизмом, сколько правовым вакуумом в системе международного права. Право на истину как самостоятельный институт не закреплено ни в одном из региональных международных соглашений по правам человека. Лишь Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений

2006 г. содержит общую норму — гарантию для жертв и их семей права знать истину о совершенном преступлении.

Нет единства по поводу содержания права на истину и в науке. Смелые заявления отдельных представителей доктрины о становлении автономного института вызывают научные споры².

В самом общем виде институт права на истину в международном праве формируется как действенное средство защиты прав человека в условиях авторитарных режимов. Весьма показательным здесь решение Палаты по правам человека для Боснии и Герцеговины по делу Сребреницы 2003 г. Оно ярко иллюстрирует становление института за счет механизмов правосудия переходного периода. Особое значение решения обусловлено комплексным анализом судом вопросов факта и права в условиях специальной, чувствительной постконфликтной среды.

В государствах с демократическим укладом анализируемое право существует как средство общей превенции. Оно развивается как право лица знать и корреспондирующая ему обязан-

¹ Crane D. M. White Man's Justice: Applying International Justice After Regional Third World Conflicts // *Cardozo Law Review*. 2005–2006. Vol. 27. P. 1684.

² Кирш Эстер. Два элемента в механизме правосудия переходного периода: международные уголовные суды и комиссии по установлению истины // *Международное правосудие*. 2013. № 2 (6). С. 75–76 ; Мусаев М. А. Основы комплексной защиты жертв преступлений // *Публичное и частное право*. 2017. № 1 (33). С. 14–15 ; Габышев В. Е., Нелаева Г. А., Сидорова Н. В., Хабарова Е. А. Расследование гендерно-обусловленного насилия в рамках правосудия переходного периода: опыт Бразилии // *Латинская Америка*. 2019. № 8. С. 35–46.

ность государств раскрывать значимую информацию о близких лицах. Здесь весьма богата практика региональных органов защиты прав человека и основных свобод.

Источники права на истину. Корни права на истину восходят к нормам гуманитарного права, касающимся судьбы пропавших без вести или погибших во время вооруженных конфликтов лиц. Соответствующие положения обнаруживаются в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и дополнительных протоколах к ним 1977 г., выступающих источниками обычного международного права. Нормы Конвенций и протоколов содержат сходный набор правил, относящихся к необходимости поиска и вывоза раненых и больных с поля боя, обязанности регистрации раненых, больных и умерших с противной стороны. Так, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 08.06.1977 в статье 32 предусматривает, что «стороны, находящиеся в конфликте, и международные гуманитарные организации, упомянутые в Конвенции и в настоящем Протоколе, в своей деятельности прежде всего исходят из права семей знать о судьбе своих родственников», а в ст. 33, в частности, говорится о необходимости поиска лиц, о которых государство — противная сторона сообщает как о пропавших без вести, а также об опознании погибших во время конфликта.

Таким образом, у истоков права на истину лежат положения обычного международного права³.

Системные нарушения прав человека 1970-х гг., происходившие в основном в странах Латинской Америки и породившие массовые вынужденные исчезновения, изменили общественное сознание. Поиск методов борьбы привел к расширению толкования права на истину, которое перестали связывать исключительно с вооруженными конфликтами. Результатом работы международных организаций и усилий государств стали Декларация о защите всех лиц от насильственных исчезновений 1992 г. и Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г. Согласно преамбуле Конвенции, одной из ее целей является обеспечение права на

истину. Статья 24 Конвенции гарантирует каждой жертве право знать правду об обстоятельствах насильственного исчезновения, о ходе и результатах расследования и о судьбе исчезнувшего лица. Каждое государство-участник обязано принимать надлежащие меры через инициирование разбирательства, осуществлять розыск и освобождение пропавшего, а в случае его смерти — по ходатайству возвращать останки его семье. Конвенция стала первым международным актом — источником *hard law*, регулирующим право на истину, которое ранее, вне положений гуманитарного права, существовало лишь в факультативных документах международных организаций. Более трети стран — участников Конвенции представляют Латинскую Америку, что свидетельствует об убежденности, по крайней мере в данном регионе, о необходимости противодействия насильственным исчезновениям, обеспечения права на истину как важного и эффективного средства реализации этой политики.

Наиболее интенсивное развитие право на истину получило в результате становления международного права прав человека. Оно опосредованно отражено в ряде международных документов — во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., региональных соглашениях по правам человека — в контексте гарантии права на справедливое судебное разбирательство и доступ к правосудию. Возможность регулирования права на истину данными международными договорами вызывает некоторые сомнения, поскольку данная гарантия не упоминается ни в одном из них⁴. Факультативное применение их органами международной юстиции, а также недостаточное международно-правовое регулирование данной сферы позволяет прийти к выводу, что международные суды здесь имеют значительную свободу правоприменения, вырабатывают собственную практику. Право на истину не пробилось бы в сознание международного сообщества без деятельности международных судов, обращающихся к текстам вышеупомянутых актов.

С целью уточнения содержания права на истину нормативная работа ведется на уровне

³ Восьмой ежегодный доклад Леандро Деспуй — Специального докладчика, назначенного в соответствии с резолюцией 1985/37 Экономического и Социального Совета ООН // Sub. 2. 1995/20, Annex I. 1995. С. 40.

⁴ Антонов А., Евсеев А. Амнистии в механизме переходного правосудия // Международное правосудие. 2019. № 1 (29). С. 132–133.

Совета Безопасности ООН, Совета по правам человека, Управления Верховного комиссара ООН по правам человека.

Сущность, понятие, классификация права на истину. В целом в науке сложился единый подход, согласно которому право на истину существует и в большей мере проявляется в условиях «справедливости переходного периода» (transitional justice), именуемой иначе справедливостью периода перемен (периода трансформации)⁵.

Постконфликтные (поставторитарные) общества, стремящиеся к верховенству права, часто проходят этап моральной и правовой переоценки «темного прошлого» политических элит, государственного аппарата (например, за счет массового выявления должностных преступлений и проступков). Это необходимо для проведения институциональных реформ. Происходит поиск и доведение до общественного сознания правды о массовых систематических нарушениях прав человека (truthseeking, truth-telling), осуждение виновных в совершении преступлений (в том числе международного характера) лиц.

По своей правовой природе право на истину базируется на обязательствах государств — участников международного сообщества преследовать и наказывать виновных в наиболее тяжких преступлениях лиц, устанавливать обстоятельства преступлений, выявлять условия, способствующие их совершению. Право на истину, иначе именуемое правом знать (правом на познание истины), является неотъемлемой частью права справедливости (восстановительное, превентивное право). Оно гарантирует ненаступление аналогичных массовых нарушений прав человека в будущем как главное право личности в период трансформации⁶.

Особенностью исследуемого института является его становление как традиционным путем, через органы юстиции (правосудия), так и силами исполнительных, следственных органов и структур, ориентированных на сбор фактов (например, комиссии истины). Суды являются основной, но не обязательно лучшей площадкой для познания истины об обстоятельствах преступлений системного или длящегося харак-

тера. Право знать истину достигается (гарантируется) через совокупность судебных и внесудебных механизмов. Выявленные комиссиями факты могут составлять основу преступлений международного характера, к которым суды применяют давность или по которым лицо подпадает под действие акта амнистии. Исследуемые ими факты могут лежать в основе длящихся деликтов, к которым не применяется давность, и лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Исходя из этого, судами могут достигаться правовые цели (наказание виновных лиц, общая и частная превенция) и политические цели (сохранение исторической памяти, воздействие на общественное сознание).

Иногда, как в случае со знаменитыми «Процессами истины» в Аргентине конца 1990-х гг., структуры, исследующие вопросы факта — единственная возможность выявить обстоятельства преступлений и массовых нарушений. На практике могут одновременно решаться и другие задачи, в том числе национальное примирение, ярким примером чего является Комиссия по установлению истины и примирению в ЮАР (1995–2002).

По мере трансформации системы управления и политического устройства бремя обеспечения права на истину все больше ложится на судебную власть ввиду существования международных обязательств государств выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, преследовать преступников (duty to prosecute).

Обращаясь к вопросу о понятии права на истину, отметим, что первым международным механизмом, выработавшим сначала элементы права на истину, а затем определившим его понятие, стала учрежденная Генеральной Ассамблеей ООН Рабочая группа по насильственным или недобровольным исчезновениям.

К содержательным элементам рассматриваемого права она предложила относить право лиц — жертв наиболее существенных нарушений прав человека, их семей в рамках национальной правовой системы конкретного государства знать истину о совершенных в отношении них, их близких преступлениях, о

⁵ Бобринский Н. А. Постсоветское переходное правосудие в России: достижения и упущенные возможности // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 165–168 ; Евсеев А. «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // Международное правосудие. 2017. № 4 (24). С. 136–139.

⁶ Абакумова И. В., Рядинская Е. Н. Особенности постконфликтного восстановления: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2016. № 4 (38). С. 212–214.

массовом ущемлении их прав, включая инициирование заинтересованными лицами и проведение надлежащего расследования; знать причины, способствующие совершению преступлений, обстоятельства их возникновения и хода, в том числе иметь доступ к архивам; требовать установления виновных лиц, признания их виновными в совершенных преступлениях.

Рабочая группа в Генеральном комментарии, касающемся права на истину, выработала определение этого права (применительно к недобровольным исчезновениям) как «право на информацию о ходе производства, судьбе и местонахождении пропавших без вести лиц, об обстоятельствах исчезновения, о личности виновных»⁷.

По своей правовой природе право на истину характеризуется как индивидуальное и коллективное право.

Право на истину в коллективном измерении подразумевает обязанность помнить историю репрессий, хранить ее в общественной памяти, особенно в случаях системных и массовых нарушений прав и свобод человека. Коллективное право на истину сочетается с понятием *rule of law* — ценностями правовой и политической культуры, выражающими ответственность власти перед собственными гражданами⁸. Ценности могут охраняться государством за счет, например, сохранения (разумного публичного предоставления) архивов, документирующих преступления режима или отдельных лиц⁹. Для их защиты более эффективными представляются внесудебные механизмы, включая временную деятельность комиссий по истине.

Индивидуальное право на истину обусловлено защитой частного интереса, когда нарушения затрагивают, прямо или опосредованно, отдельных индивидов или их группы, объединенные родственными (семейными) связями. Такой защите подлежит, например, интерес членов семьи в поиске пропавшего без вести

лица. Наиболее эффективным способом защиты нарушенного права здесь являются судебные процедуры через деятельность международных органов защиты прав человека (*ad hoc*, постоянно действующих судов). В случае выявления структурных нарушений прав человека деятельность судебных механизмов может дополняться деятельностью национальных законодательных органов через внесение изменений в национальное право и высших национальных судов — через изменение правоприменительной практики¹⁰.

Содержание права на истину в практике международных судов. Большое влияние на разработку и нормативное наполнение права на истину оказывает Межамериканский суд по правам человека (МАСПЧ). Он через толкование Межамериканской конвенции по правам человека 1969 г. вывел из ряда признанных конвенционных прав автономный институт — право на истину. Ярким примером анализа права на истину сквозь призму положений Конвенции является решение МАСПЧ по делу «Лунд против Бразилии» 2010 г. В этом решении Суд подвел черту формируемой более двух десятилетий собственной практике и разъяснил содержание права на истину: «Любое лицо, особенно близкие лица, имеют право знать правду об обстоятельствах преступления, что предполагает обеспечение государством доведения до них и общества в целом информации по поводу нарушения»¹¹.

В практике суда выработана устойчивая позиция, что соблюдение права на истину предполагает не только уважение, но и реальное обеспечение конвенционных прав, строгое соблюдение государством позитивных обязательств материального и процессуального характера. Например, по делу Velásquez-Rodríguez¹² МАСПЧ подчеркнул обязанность государств противодействовать систематической практике вынужденных исчезновений,

⁷ Замечание общего порядка о праве на установление истины в связи с исчезновением сотрудника правоохранительных органов Рабочей группы ООН о «принудительных исчезновениях».

⁸ Final report prepared by Mr. Joinet pursuant to Sub-Commission decision 1996/119. Question of the Impunity of Perpetrators of Human Rights Violations (Civil and Political). E/CN.4/Sub.2/1997. P. 17.

⁹ Отчет Верховного комиссара ООН по правам человека, касающийся права на истину. A/HRC/5/7. 2007. P. 83.

¹⁰ Ключников А. Ю. Развитие международного права через судебное толкование // Российский юридический журнал. 2018. № 4 (121). С. 41–42.

¹¹ Решение МСПЧ от 24.11.2010 по делу Gomes Lund and others (Guerrilha Do Araguaia) v. Brasilia. Seria C. № 219. P. 200.

¹² Решение МСПЧ от 29.03.1988 по делу Velásquez-Rodríguez v. Honduras. Seria C. № 4. P. 166.

предпринимать действия не только по тщательному расследованию и наказанию виновных, но и по предотвращению и профилактике аналогичных преступных посягательств (prevent, investigate and punish).

Аналогичную правоприменительную линию в части содержания анализируемого права формирует Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ): «Исходя из обстоятельств, власти знали или должны были знать о существовании реальной и непосредственной угрозы жизни конкретного лица или лиц от криминальных посягательств третьего лица. Имея на то необходимые полномочия, они не приняли мер, которые, как можно было разумно ожидать, могли способствовать устранению этой угрозы» (дело *Opuz*¹³). Эффективная реализация права требует такой организации аппарата власти и государственного устройства, которые позволят эффективно (материальный аспект позитивных обязательств государства), через инициирование соответствующего производства и исследование обстоятельств нарушений (процедурный аспект позитивных обязательств государства) установить истину.

Практика данного суда находится в самом начале ее формирования, поскольку право на истину выводится опосредованно, «через иные материальные нормы» Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция 1950 г.), на что ссылается ЕСПЧ. В перспективе констатация судом факта «лишения заявителей возможности узнать правду о преступлении» должна являться основой самостоятельного конвенционного права, станет предвестником нового подхода ЕСПЧ к утверждению права на истину¹⁴. В любом случае, уже сегодня невыполнение государствами позитивных обязательств по обеспечению реализации права влечет нарушение конвенционных прав.

Комитет по правам человека в Генеральном комментарии № 31, анализируя нормативный

характер обязательств государств, отметил, что норма ст. 2 Европейской конвенции 1950 г. лежит в основе дифференциации негативных и позитивных обязательств государств¹⁵. К позитивным обязательствам он отнес предупреждение, выявление, расследование и наказание правонарушений. В их основе лежат негативные обязательства государств по обеспечению права на жизнь. Отступление от данной гарантии недопустимо, ее соблюдение гарантирует право на истину (подход реализован ЕСПЧ в деле *Janowiec* 2012 г.¹⁶ (п. 156, «Катынское дело»)).

Сфера нормативного применения права на истину в практике международных судов. Межамериканская комиссия по правам человека еще в 1986 г. указала, что каждое общество имеет неотъемлемое (inalienable) право знать истину о мотивах и обстоятельствах совершения «аномальных» преступлений, а также на пресечение их в будущем. Развитие правоприменительной линии Комиссии не оформило право на истину как самостоятельный отдельный стандарт защиты¹⁷. Был лишь определен нормативный объем рассматриваемого права, его обусловленность иными, гарантированными региональными конвенциями о защите прав человека правами, в частности правом на доступ к правосудию, на информацию, судебную защиту (ст. 1, 8, 13, 25 Американской конвенции 1969 г.).

В указанном выше решении по делу «Лунд против Бразилии» МАСПЧ сослался непосредственно на нормы ст. 8, 13, 25 Американской конвенции 1969 г. через норму-ссылку п. 1 ст. 1 этой Конвенции, поспособствовав тем самым «укоренению» права на истину в своей практике. Эти самостоятельные по своей правовой природе конвенционные права-гарантии в совокупности образуют материально-правовое основание подачи жалобы в целях защиты права на истину.

Думается, ЕСПЧ по ряду дел с учетом их специфики (так называемые «чеченские», «ту-

¹³ Постановление ЕСПЧ от 09.06.2009 по делу *Opuz v. Turkey* (п. 83–86) // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2009. № 11.

¹⁴ Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Теория государства и права. 2018. № 2. С. 67–80.

¹⁵ KPC General Comment № 31: Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant. CCPR/C/21/Rev.1/Add.13. 2004.

¹⁶ Постановление ЕСПЧ от 16.04.2012 по делу *Janowiec v. Russia* // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2012. № 10.

¹⁷ Чернявский А. Г. Возникновение и эволюция международного права: мультикультурализм, партикуляризм, универсализм — классификация и терминология // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 262–266.

рекции» дела) через судебский диалог и восприятие практики МАСПЧ мог вывести право на истину из текста Конвенции через ссылку на обсуждаемую конструкцию. Сделано это не было, по всей видимости, из-за преждевременности, отсутствия консенсуса государств. Суд воспринял иной правоприменительный подход, который заключается в необходимости самостоятельного исследования нарушения каждого из конвенционных прав по каждому конкретному фактическому составу.

Например, констатируя отсутствие нарушений Европейской конвенции 1950 г. по делу *Примова* 2014 г.¹⁸ в контексте права на неприкосновенность и судебную защиту, ЕСПЧ подчеркнул, что ст. 11 данной Конвенции (свобода мирных собраний) не обеспечивает «иммунитет от судебного преследования за насильственные действия во время публичных мероприятий, особенно в случаях их значительности.... Органы власти... освободили заявителя из-под стражи, предъявленные ему обвинения сняты за отсутствием достаточных улик его участия в насильственных действиях, при отсутствии доказательств того, что они действовали недобросовестно. Изложенное является показателем стремления установить истину».

ЕСПЧ лишь в общем виде сформулировал «право жертв и их семей убедиться в истине» (п. 143 решения по делу «Ассоциации 21 декабря 1989 г.»¹⁹).

Право на истину основано на международно-правовой обязанности изучить обстоятельства совершенных правонарушений (обязанность расследования) и предоставить эффективные меры правовой защиты в рамках национальной правовой системы. Международные суды выработали здесь единый подход: обязанность эффективного расследования вытекает из процедурного характера конвенционных прав, включая право на жизнь, право не подвергаться пыткам и бесчеловечному обра-

щению (например, п. 161 постановления ЕСПЧ по делу *McCann* 1995 г.²⁰). МАСПЧ в упомянутом деле «Веласкес-Родригес» очень смело указал, что обязанность устанавливать истину лежит на государстве и не зависит от инициативы жертвы; неспособность инициировать и должным образом проводить процессуальную проверку, организовывать судебное разбирательство порождает международную юридическую ответственность государства.

Уже в первом таком деле — «Эль Ампаро против Венесуэлы» — МАСПЧ, анализируя содержание международного обязательства государств по «тщательному разбирательству», указал, что «следственные процедуры не могут сводиться только к формальному установлению причастных к событиям лиц и выяснению обстоятельств произошедшего. Обязанность проведения эффективного разбирательства существует безотносительно наличия препятствующих тому правовых механизмов, включая право на амнистию, на применение которой обвиняемое лицо согласно»²¹.

Два года спустя в региональную практику введен критерий эффективности: национальные меры правовой защиты относительно возбуждения производства по делу должны иметь безотлагательный характер²². Стандарт распространяется на общую обязанность государств с системами переходного периода расследовать преступления предыдущего режима (например, дела о применении пыток, об ином бесчеловечном обращении²³).

Несмотря на условие эффективности разбирательства, фактическая неспособность раскрыть истину не может каждый раз приводить к международной ответственности государства. В целом это обязательство тщательных действий, а не результата.

Производным обязательством выступает требование информирования государством заинтересованных лиц не только о результатах

¹⁸ Постановление ЕСПЧ от 12.06.2014 по делу «Примов и другие v. Russia» // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2014. № 6.

¹⁹ Постановление ЕСПЧ от 24.05.2011 по делу *Association «21 December 1989» v. Romania* // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 2016. № 5.

²⁰ Постановление ЕСПЧ от 27.09.1995 по делу *McCann and others v. United Kingdom* // Бюллетень ЕСПЧ. Российское издание. 1995. № 9.

²¹ Решение МАСПЧ от 14.09.1996 по делу *El Amparo v. Venezuela*. *Seria C.* № 28. P. 61, 61 (4).

²² Решение МАСПЧ от 27.11.1998 по делу *Castillo Paez v. Peru (reparation)*. *Seria C.* № 43. Pp. 105–108.

²³ Решение Комитета по правам человека от 19.03.1994 по делу *Rodriguez v. Uruguay*. *Seria C.* № 322/1998. P. 12.3.

расследования, но и о ходе производства²⁴, по аналогии с национальной уголовной процедурой, что является компонентом реализации права на эффективную меру правовой защиты²⁵.

Невыполнение позитивных обязательств по выяснению обстоятельств также приводит к нарушению прав близких жертвам лиц, которые сами могут стать (часто становятся) жертвами. Распространение в актуальной практике понятия «жертва нарушения» также на близких лиц, членов семьи поставлено сегодня в зависимость от установления фактических родственных связей (степень родства, позволяющая получать в установленном порядке информацию о пропавшем без вести лице²⁶).

Впервые Комитет по правам человека заявил об этом прямо в деле *Quinteros v. Uruguay*²⁷, где за заявительницей-матерью признано право знать истину о судьбе ее приемной дочери, жертвы ареста, которая после этого безвестно пропала. Впоследствии власти долгое время отрицали как этот факт, так и возможность признания за заявительницей права на обращение в международный суд за защитой нарушенного права. Однако при разрешении дела по существу Комитет отметил, что жертва является близким человеком, по существу родственником, испытывает душевные страдания, а неопределенность порождает состояние бесчеловечного обращения.

МАСПЧ оценил подход властей как создание государством юридических и фактических препятствий в передаче информации. Данное состояние может также вызвать отсутствие знаний о месте казни, захоронения близкого человека²⁸, сознательное укрытие трупа пропавшего без вести лица²⁹.

Единый подход в международном правосудии сформирован относительно случаев длительного, часто длящегося десятилетие, расследования дела, даже когда не установлены факты, свидетельствующие о нарушении, или состав правонарушения. Констатируя в таких

случаях длительность проверки и нарушение разумных сроков судопроизводства, суд привлекает государство к ответственности за смерть или исчезновение, за нарушение прав лиц — заявителей, их близких.

В качестве примера сошлемся на серию «турецких» дел в ЕСПЧ³⁰. Турецкие власти не провели эффективное расследование судьбы греков-киприотов, безвестно отсутствующих со времен турецких военных операций на севере Кипра в 1974 г., при доказанности данных о том, что они могли быть заключены под стражу в указанный период. ЕСПЧ посчитал доказанным нарушение ст. 2, 3, 5 Европейской конвенции 1950 г.

Применительно к последствиям допущенного нарушения права на истину для государства весьма примечателен подход МАСПЧ. В деле «Трухильо-Ороза против Боливии»³¹ Суд констатировал длящееся нарушение — **постоянное сокрытие истины**, обязал государство предоставить семьям информацию о месте сокрытия трупов жертв и выдать их, указав, что этот акт представляет собой одновременно форму правосудия и восстановления прав близких лиц.

Поиск истины в постконфликтном обществе: дело Сребреницы в Палате по правам человека для Боснии и Герцеговины. Несомненно ценным с точки зрения изучения права на истину судебным актом и правоприменительным достижением является решение Палаты по правам человека для Боснии и Герцеговины по делу Сребреницы (далее — Палата). Этот судебный орган был учрежден на основании п. 6 дополнения к Генеральному рамочному соглашению о мире в Боснии и Герцеговине (Дейтонское соглашение 1995 г.).

Особо отметим правовую природу учреждения применительно к рассматриваемой теме. Палата и ее продолжатель — Комиссия по правам человека являются примерами судебных механизмов переходного периода, не выступавшими международными судами в их

²⁴ Решение МАСПЧ от 29.08.2002 по делу *Caracazo v. Venezuela*. Серия С. № 95. Р. 118.

²⁵ Постановление ЕСПЧ от 25.05.1998 по делу № 24276/94 *Kurt v. Turkey*. Р. 140.

²⁶ Постановление ЕСПЧ от 13.06.2000 по делу № 23531/95 *Timurtas v. Turkey*. Р. 95 ; решение МАСПЧ от 25.11.2000 по делу *Bámaca-Velásquez v. Guatemala*. Серия С. № 70. Р. 163.

²⁷ Решение Комитета по правам человека от 21.03.1983 по делу № 107/1981 *Quinteros v. Uruguay*. Р. 14.

²⁸ Решение Комитета по правам человека от 03.04.2003 по делу № 887/1999. *Staselovich vs. Belarus*. Р. 1.1, 3.2.

²⁹ Решение МАСПЧ от 24.01.1998 по делу *Blake vs. Guatemala*. Серия С. № 36. Р. 114.

³⁰ Постановление ЕСПЧ от 17.09.2009 по делу № 16064/90 *Varnava and others v. Turkey*. Р. 87.

³¹ Решение МАСПЧ от 27.02.2002 по делу *Trujillo-Oroza v. Bolivia*. Серия С. № 92. Р. 115, 141 (1).

классическом понимании. Такой вывод следует из временной юрисдикции Палаты и принятия за основу правил процедуры и материальной основы практики Европейской конвенции 1950 г. как учредительного документа деятельности ЕСПЧ. Палата была обязана непосредственно применять положения Европейской конвенции 1950 г.

Важнейшим решением Палаты, аккумулировавшим события преступления геноцида в Сребренице, по сей день разжигающим политические и просто человеческие эмоции, стало решение по делу «Селимович и другие против Республики Сербской» 2003 г. (дело Сребреницы)³², ответчиком по которому была автономия Боснии и Герцеговины — Республика Сербская.

Дело в Сребренице: факты, основание жалобы, сфера обжалования, существо решения. Заявители — 49 лиц, члены семей жертв событий в Сребренице 10–19 июля 1995 г. (общепризнанное и подтверждаемое статистикой количество — от 7 до 8 тыс. погибших или пропавших без вести), ссылались на нарушение права семей погибших узнать истину относительно судьбы и местонахождения близких. Они полагали, что государство отказывается от позитивных обязательств по раскрытию информации в объеме, указанном в жалобе. В основании жалобы заявители сослались на нормы ст. 3, 8, 13 Европейской конвенции 1950 г., которые корреспондируют статьям II и 2b Приложения 6 Дейтонского соглашения 1995 г. (дискриминация по признаку религии и национального происхождения): невыполнение Республикой Сербской юридической обязанности по тщательному расследованию обстоятельств преступления в Сребренице повлекло наступление последствий для близких семьям жертв лиц, а именно что они сами стали жертвами нарушений.

Власти Республики Сербской в качестве отзыва на жалобу подготовили специальный доклад о событиях в Сребренице, обнародованный в 2002 г. Они утверждали, что эти события не могут быть исключены из целостного историко-социального анализа преступлений, совершенных на всей территории Боснии и Герцеговины. Доклад в значительной степени касался проблемы представления сведений о

судьбах репрессированных сербов начиная со времен Второй мировой войны. В нем значительное внимание уделено страданиям, пережитым сербской народностью. Только в небольшой степени он был обращен к событиям июля 1995 г., главным образом через отрицание факта геноцида (резни) в Сребренице. В докладе содержался пункт, что «наличие массовых захоронений не всегда означает совершение массовых казней». Кроме того, оспаривалось предполагаемое число жертв — 6–8 тыс. человек — как «явно завышенное».

Палата, признавая жалобу приемлемой, установила нарушение Республикой Сербской ст. 3 и 8 Европейской конвенции 1950 г. в отношении заявителей, а также дискриминацию по религиозному и национальному происхождению. Одновременно судебный орган указал на отсутствие необходимости отдельного рассмотрения нарушения ст. 13 ввиду отсутствия предмета обжалования.

Аргументация Палаты сводилась к отсутствию доказательств совершения каких-либо действий Республикой Сербской для выяснения обстоятельств преступления в Сребренице с учетом масштаба трагедии геноцида начиная с июля 1995 г. Судебный орган отметил, что возникло состояние бесчеловечного обращения, психологического стресса для заявителей (ст. 3 Европейской конвенции 1950 г.), что нарушает их право знать истину. Палата установила, что подготовленный Республикой Сербской доклад не соответствует критерию допустимости предъявляемого доказательства для целей производства по делу независимо от его формы, в связи с явно односторонней трактовкой содержащихся в нем фактов.

Рассматривая вопрос о возможности признания факта существования бесчеловечного или унижающего достоинство обращения за лицами, близкими непосредственно жертвам преступлений, Палата восприняла критерии, введенные ею же в деле «Ункович против Боснии и Герцеговины»³³ по нарушениям ст. 3 Европейской конвенции 1950 г. Тест «семейных уз» между заявителями и непосредственными жертвами преступлений включал в себя изучение, в частности, степени родства (например, родитель — ребенок), уровня стресса и скорби

³² Решение Палаты по правам человека для Боснии и Герцеговины от 07.03.2003 по делу *Selimović and others v. Republika Srpska*. № CH/01/8365. Рр. 37–38.

³³ Решение Палаты по правам человека для Боснии и Герцеговины от 06.05.2002 по делу *Unković v. Bosnia and Herzegovina Federation*. № CH/99/2150. Р. 114.

членов семьи из-за факта безвестного отсутствия и настойчивости властей в поиске информации с учетом имеющихся правовых средств.

Судебный орган развил их за счет дополнительных критериев — эффективности производства по запросам заявителей об установлении судьбы пропавших без вести лиц, времени ожидания информации (разыскиваемых лиц, заключенных под стражу лиц в рамках описываемых событий исследуемого периода), сведений о причастности должностных лиц государства к пропаже и безвестному отсутствию человека.

Применительно к делу констатированы отказ в инициации и проведении надлежащего разбирательства, формальный подход к установлению фактов, закреплению доказательств. Например, отсутствовали доказательства контактов с семьями погибших, получение от них объяснений, иная подлежащая проверке информация, содержащая объективные сведения о фактах. Все это в совокупности создало ситуацию бесчеловечного обращения, нарушения ст. 3 Европейской конвенции 1950 г. ввиду несоблюдения права заявителей знать правду о судьбе и местонахождении их близких.

Относительно ст. 8 Европейской конвенции 1950 г. Палата сделала вывод, что в ситуации, когда государство (его составная часть) обладает искомой информацией (или такая информация им контролируется), но трактует ее в произвольном порядке, без уведомления заинтересованных лиц, без возможности пересмотра решения по существу, это не обеспечивает жертвам достаточного объема знаний и нарушает право на уважение частной и семейной жизни.

«Разрушительный эффект», вызванный отсутствием минимальных сведений (знаний) у заинтересованных лиц, повлек признание судебным органом нарушения ст. 8 Европейской конвенции 1950 г., т.е. нарушения права заявителей обладать сведениями относительно судьбы их близких, даже когда, как в данном случае, полностью отсутствуют доказательства, подтверждающие масштаб трагедии (например, в результате их утраты). Причем нарушение права на истину не освобождает государство — Республику Сербскую от последующего выполнения позитивных обязательств, охватываемых вышеназванной статьей Конвенции.

Таким образом, нарушение ст. 8 Европейской конвенции 1950 г. стало результатом чрез-

вычайно высокого уровня виктимизации семей жертв, на что прямо указал судебный орган. Они не располагали никакой информацией о близких, как следствие, не имели возможности прийти к душевному равновесию, жить без постоянного давления.

Давая оценку решению Палаты по делу Сребреницы, прежде всего следует обратить внимание на лежащую в основе нарушения анализируемого права конструкцию. Судебный орган оценил право знать истину и право на информацию как коррелирующие, идущие «бок о бок» права³⁴. Выработанные судом ранее и введенные решением по делу Сребреницы критерии оценки соблюдения государством позитивных обязательств следует понимать как сосуществующие и взаимодополняющие элементы установления права на истину. Предложенная Палатой обязанность проведения государством эффективного разбирательства является средством процессуальной защиты материального права.

Применительно к конкретному фактическому составу орган международной юстиции выделил материально-правовое ядро (совокупность конвенционных норм). Для доказывания нарушений по каждому из них в международной судебной практике выработан определенный стандарт. Совокупность таких правил действительна и для дел, предметно затрагивающих право на истину, но не формирующих самостоятельного стандарта.

С другой стороны, специфический характер восстановительного правосудия по такой категории дел подчеркивает существование коллективного права на истину — истину о событиях и сохранение ее в памяти как способ прощения взаимных обид. Думается, это правильный с позиции любого постконфликтного общества подход. Пример его реализации применительно к исследованному казусу — внесение Республикой Сербской денежных средств на содержание кладбища памяти в Сребренице-Поточари. Государством учреждена специальная следственная комиссия по расследованию событий 10–19 июля 1995 г. в Сребренице и рядом с ней, которая открыла 32 ранее неизвестных массовых захоронения, установила более 7 тыс. погибших и пропавших без вести, выявила круг лиц, подозреваемых в совершенных преступлениях.

³⁴ Решение МАСПЧ от 10.05.2012 по делу Gudiel Álvarez («Diario Militar») v. Guatemala (amicus curiae). Seria C. № 12. P. 23.

Заключение. Право на истину является динамично развивающимся комплексным институтом международного права, мощным орудием в руках органов международной юстиции в борьбе с лицами, виновными в совершении наиболее тяжких преступлений, их профилактике, инструментом становления подлинно правового, демократического государства. В его основе лежит обычное международное право, дополняемое в общем виде специальными нормами договорного права. Неполнота материального регулирования восполняется правоприменительной деятельностью международных судов. По своей правовой природе право на истину базируется на позитивных международных обязательствах государств осуществлять уголовное преследование, оказывать содействие другим государ-

ствам, международным органам и на негативных обязательствах как средстве превенции. Его ценность особо заметна в разрезе структурных, системных изменений общества. Практика международных судов совершенствует право на истину в контексте обеспечения информирования государством о ходе и результатах расследования семей жертв и их близких, общественности, где особая тщательность следствия, степень открытости властей поставлена в зависимость от констатации допущенного государством нарушения. Согласно принятому в международном правосудии подходу, право на истину выводится опосредованно, «через иные материальные конвенционные нормы», поскольку гарантирует максимальную, с учетом существа нарушения, защиту нарушенного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абакумова И. В., Рядинская Е. Н. Особенности постконфликтного восстановления: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. — 2016. — № 4 (38). — С. 208–214.
2. Антонов А., Евсеев А. Амнистии в механизме переходного правосудия // Международное правосудие. — 2019. — № 1 (29). — С. 118–133.
3. Бобринский Н. А. Постсоветское переходное правосудие в России: достижения и упущенные возможности // Сравнительное конституционное обозрение. — 2018. — № 1 (122). — С. 142–168.
4. Габышев В. Е., Нелаева Г. А., Сидорова Н. В., Хабарова Е. А. Расследование гендерно обусловленного насилия в рамках правосудия переходного периода: опыт Бразилии // Латинская Америка. — 2019. — № 8. — С. 35–46.
5. Евсеев А. «Проработка прошлого»: сложность судебного познания // Международное правосудие. — 2017. — № 4 (24). — С. 122–139.
6. Зорькин В. Д. Справедливость — императив цивилизации права // Теория государства и права. — 2018. — № 2. — С. 67–80.
7. Кириш Эстер. Два элемента в механизме правосудия переходного периода: международные уголовные суды и комиссии по установлению истины // Международное правосудие. — 2013. — № 2 (6). — С. 74–87.
8. Ключников А. Ю. Развитие международного права через судебное толкование // Российский юридический журнал. — 2018. — № 4 (121). — С. 37–42.
9. Мусаев М. А. Основы комплексной защиты жертв преступлений // Публичное и частное право. — 2017. — № 1 (33). — С. 7–31.
10. Чернявский А. Г. Возникновение и эволюция международного права: мультикультурализм, партикуляризм, универсализм — классификация и терминология // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 257–273.
11. Crane D. M. White Man's Justice: Applying International Justice After Regional Third World Conflicts // Cardozo Law Abstract. — 2005–2006. — Vol. 27.

Материал поступил в редакцию 11 августа 2020 г.

REFERENCES

1. Abakumova IV, Ryadinskaya EN. Osobennosti postkonfliktного vosstanovleniya: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt [Features of post-conflict reconstruction: domestic and foreign experience]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. P. Astafeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University]. 2016;4(38):208-214. (In Russ.)
2. Antonov A, Evseev A. Amnistii v mekhanizme perekhodnogo pravosudiya [Amnesties in the transitional justice mechanism]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice]. 2019;1(29):118-133. (In Russ.)
3. Bobrinskiy NA. Postsovetskoe perekhodnoe pravosudie v Rossii: dostizheniya i upushchennye vozmozhnosti [Post-Soviet transitional justice in Russia: achievements and missed opportunities]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review]. 2018;1(122):142-168. (In Russ.)
4. Gabyshev VE, Nelaeva GA, Sidorova NV, Khabarova EA. Rassledovanie genderno obuslovlennogo nasiliya v ramkakh pravosudiya perekhodnogo perioda: opyt Brazili [Investigating gender based violence in the framework of transitional justice: Brazil case]. *Latinskaya Amerika* [Latin America]. 2019;8:35-46. (In Russ.)
5. Evseev A. «Prorabotka proshlogo»: slozhnost sudebnogo poznaniya ["Working through the past": The complexity of judicial knowledge]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice]. 2017;4(24):122-139. (In Russ.)
6. Zorkin VD. Spravedlivost — imperativ tsivilizatsii prava [Justice: The imperative of civilisation of law]. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 2018;2:67-80. (In Russ.)
7. Kirsch E. Dva elementa v mekhanizme pravosudiya perekhodnogo perioda: mezhdunarodnye ugovnyye sudy i komissii po ustanovleniyu istiny [Two elements in the transitional justice mechanism: International criminal courts and truth commissions]. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice]. 2013;2(6):74-87. (In Russ.)
8. Klyuchnikov AYU. Razvitie mezhdunarodnogo prava cherez sudebnoe tolkovanie [Development of international law through judicial interpretation]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal]. 2018;4(121):37-42. (In Russ.)
9. Musaev MA. Osnovy kompleksnoy zashchity zhertv prestupleniy [Fundamentals of comprehensive protection of victims of crime]. *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and private law]. 2017;1(33):7-31. (In Russ.)
10. Chernyavskiy AG. Vozniknovenie i evolyutsiya mezhdunarodnogo prava: multikulturalizm, partikulyarizm, universalizm — klassifikatsiya i terminologiya [The emergence and evolution of international law. Multiculturalism, particularism, universalism: classification and terminology]. *Voennoe pravo* [Military law]. 2020;1(59):257-273. (In Russ.)
11. Crane DM. White Man's Justice: Applying International Justice After Regional Third World Conflicts. *Cardozo Law Abstract*. 2005-2006;27. (In Eng.)